

ГАЛИНА НИКОЛАЕВА

ИЗ НЕИЗДАНЫХ СТИХОВ

Предисловие и публикация Ц. Е. Дмитриевой

Галина Евгеньевна Николаева (Волянская; 1911—1963) начинала свою литературную деятельность как поэт.

11 января 1945 г. Н. С. Тихонов прочитал на заседании редколлегии журнала «Знамя», в состав которой он входил, стихи, присланные ему врачом Г. Е. Волянской из Нальчика. Ее стихи по-настоящему взволновали актив редакции. «Творчество ваше сильно, интересно, — писал ей в феврале 1945 г. редактор журнала Всеволод Вишневский. — Я лично считаю, что вы опередили так называемое „среднее“ и молодое поколение советских поэтов. У вас сильный голос, ясная, правдивая постановка тем, непринужденная, свободная манера речи, свободный выбор форм, <...> культура стиха, постоянное раздумье, человеческая хорошая простота, откровенность...» (Вс. В и ш н е в с к и й. Собр. соч., т. 6. М., 1961, стр. 564).

В том же году военные стихи Волянской были опубликованы с подписью «Галина Николаева» в журнале «Знамя» (1945, № 2 и 4), а затем издательство «Советский писатель» издало книжку ее стихов «Сквозь огонь» (1946). Эти стихи сразу привлекли внимание читателей. У многих были близкие на войне, каждый пережил горечь утрат, война всех сделала старше, мудрее, все, подобно Галине Николаевой, как бы родились заново «под густой орудийный гром войны».

Однако, успешно дебютировав в поэзии, писательница в дальнейшем обратилась к прозе. В журнале «Знамя» (№ 10 за 1945 г.) был опубликован ее рассказ «Гибель командарма», в основу которого положены впечатления и переживания, испытанные врачом Волянской под Сталинградом в 1942 г., когда она работала на санитарно-транспортном судне «Композитор Бородин». Эм. Казакевич писал ей в августе 1947 г.: «...Я был тронут и очарован этим чудесным рассказом. Это действительно превосходная вещь. Незабываема та река, и тот тонущий пароход, и тот мальчик с винтовкой, и та женщина, все понявшая и все почувствовавшая, и прекрасен автор, стоящий за всем этим, — автор строгий и чувствительный, почти плачущий и уверенно-спокойный. <...> Я знаю, что этот рассказ останется одним из самых волнующих отражений недавно минувшего великого времени. <...> Эта маленькая „Смерть“ останется в той большой литературе, в которую не влезут иные большие книги, ныне прославленные повсеместно».

Затем в литературу вошли романы Г. Николаевой «Жатва» и «Битва в пути», «Повесть о директоре МТС и главном агрономе», «Рассказы бабки Василисы о чудесах» и посмертно опубликованный лирический дневник писательницы «Наш сад».

Но Галина Николаева всегда оставалась и поэтом. В ее архиве сохранилось немало стихов и стихотворных набросков, в том числе и относящихся к военной поре. Из этого материала для настоящей публикации отобрано четыре стихотворения.

ПОТОМКУ

Ты прочтешь пожелтевшие строки
 В тихий час у электрокамина.
 Не жалея нас, потомок далекий,
 За суровую нашу судьбину.

Не жалея нас за все упущенья:
 Полземли под картечью извездя,
 Знали мы вдохновение мщенья
 И высокую радость возмездья.

* * *

Мы перешли тяжелый перевал.
 Передохнем, товарищ мой, немного
 В тени высоких перейденных скал.
 И снова в путь. И далека дорога.

Пускай из ран еще сочится кровь,
 Но соловей в узорной тени сада
 Для нас поет бессмертную любовь,
 И по ночам для нас звенят цикады.

Пускай рубцы не сгладятся вовек—
 Они за нами утвердили право
 На гордое название «Человек»,
 Они — печать неугасимой славы.

На судьбы всех принцесс и королей
 Не сменим мы высокой доли нашей.
 Любовь и бой. Металл и соловей.
 Мы знали всё. Мы пили полной чашей

Мы люди дальних каменных дорог.
 Чем круче склон, тем сердцу веселее!
 Пусть говорят: путь труден и далек.
 Я улыбнусь: мы всё преодолеем!

ДЕВОЧКА

Хата над озером ясным.
 Тихие летние зори.
 Девочка в платице красном,
 Лютиков желтое море.

Девочка, крохотный гномик.
 Сколько в ней было доверья!
 Были близки и знакомы
 Люди, и птицы, и звери.

Вскинута взрывом смертельным,
 Выкрик беспомощно тонкий.
 В поле, от тела отдельно,
 Детские в ямках ручонки.

Г. Е. НИКОЛАЕВА (ВОЛЯНСКАЯ)
 Фотография, 1940-е годы
 Собрание М. В. Сагаловича, Москва

Смерть не спеша приближалась,
 Медлила в муках развязка.
 Крошка тянула без жалоб
 К маме обрубки в повязках.

Лютиков желтых просила.
 Взять же их было ей нечем.
 Мама сама подносила
 К личику простенький венчик.

Точит, когтит и терзает
 Коршуном горькое горе.
 Болью меня заливает
 Лютиков желтое море.

Местью отныне жива я.
 Мне лишь из двух выбирать:
 Жить ли, убийц убивая,
 Или в тоске умирать.

РАЗГОВОР С ТОСКОЙ

У других тоска бывает слёзная,
 И поет, как тенор над рекой.
 У меня — дотошная и грозная,
 У меня — как барабанный бой.

У других гитарная, каминная.

У меня — палач и прокурор.

«Чем убит?»

«Убит фашистской миною».

И опять в застенке разговор.

«Чем убит?»

«Убит он минометами».

«Чем убит?»

«Железом и огнем,

Крупновскими злобными заводами.

Дай мне жить! Не спрашивай о нем!»

«Чем убит?»

«Дорогами шоссейними,

Лавой стали, приводящей в дрожь».

«Чем убит?»

«Подземными бассейнами,

Руром, Лотарингией».

«Ты лжешь!

Ты видала, ты сама, не кто-нибудь,

Что, когда он к Харькову шагал,

За него поднялись домны до неба

И металл поднялся на металл.

Что в стране, железом окольцованной,

На Украине и в Сибири, есть

Черный уголь, как огонь спрессованный,

Как в веках спрессованная месть.

Он не предал. Он сгорал карающий,

Серым пеплом падал с высоты.

Бессловесных, языка не знающих,

Для чего оклеветала ты?»

«Кем убит?»

«Фашистским минометчиком».

«Кем убит?»

«Историей самой».

«Кем убит?»

«Фашизмом».

Хватит! Кончено!

Ухожу. Тоска идет за мной.

Я иду предгорьями и взгорьями,

По песку, по камням, по траве.

«Ну, а кто же делает историю?»

«Человек».

«А ты не человек?»

«Маленький».

«А почему ты „маленький“?»

Может быть, была бы ты „большим“,

Где-то там, за Доном, на прогалинке,

В тальниковой, тинистой глуши,

Там не гнил бы труп, не обнаруженный

С карточкой твоею на груди?

Там не гнил бы раненный,

контуженный,

А потом убитый?»

«Уходи!

Не могу. Мне больно. Что могла бы я?
Я росла в глуши таежных сел.
Я простая, маленькая, слабая,
Что смогла бы?..»

«Ты смогла бы всё.
Ты могла мотор чудесный выстроить,
Отыскать неведомый металл,
На переднем крае стать и выстоять.
Кто тебе, лукавая, мешал?
Ты могла бы полководцем сделаться,
Да таким, чтоб только побеждал,
Не хватило силы, воли, смелости?
Кто тебе, лукавая, мешал?
Ты могла словами небывальными
Всем другим сказать и доказать:
„Быть слепыми, слабыми и вялыми,
Это значит близких убивать“.
Что? Не любо? Пофальшивить проще бы?
На других? Моя, мол, хата с краю?»

Прохожу ложбинами и рощами.
От себя бегу, не убегая.

1945 г.